

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebdą, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylvia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Ольга Гриневич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой *Сад*

По словам литературного критика Галины Юзефович, одним из бесспорных достоинств романа Марины Степновой *Сад* является то, что «из беспокойного сегодня действие его перенесено в светлое и утешительное вчера, в самую благополучную эпоху русской истории – золотые срединные годы правления Александра III»¹. Однако, вопреки ожиданиям, вместо «уютного» погружения в другую эпоху читатель вынужден выйти из зоны комфорта. Семейная хроника, насыщенная отсылками к классическим произведениям, одновременно представляет собой полемику с классикой и вызов литературному канону.

М. Степнова проблематизирует характерный для русской культуры литературоцентризм, который не был до конца разрушен постмодернистской трансформацией культурного поля. Читательская аудитория, отдающая предпочтение семейной хронике XIX в., обладает определенным горизонтом ожиданий. Его очерчивает Г. Юзефович в одном из интервью, упоминая, в том числе, еще не вышедший роман *Сад*:

Сейчас прекрасно читаются классические, утешительные детективы, они лучше всего идут в любую смутную эпоху. [...] В этот момент актуальны истории, которые выключают тебя из реальности, где мы знаем, что в истории добро

¹ Г. Юзефович, «*Сад*» Марины Степновой — изысканный и масштабный роман, отсылающий к Толстому, Тургеневу, Чехову О русских аристократах, живущих в годы правления Александра III, [в:] <https://meduza.io/feature/2020/08/22/sad-mariny-stepnovoy-izyskanny-i-masshtabnyy-roman-otsylayuschiy-k-tolstomu-turgenevu-chehovu> (28.07.2021).

победит зло. [...] До конца месяца поступит в продажу роман Марины Степновой «Сад». Это счастье: исторический роман, XIX век, классическая эпоха².

Полемическая установка М. Степновой по отношению к литературной традиции предполагает обращение к культурной топике – к топосу книги³ и топосу дворянской усадьбы. Оба топоса сближает оппозиция «реальность – изображение / воображение» через посредство оппозиции «естественное – искусственное», лежащей в основе усадебного текста. Пространство усадьбы (дома и сада), где происходит действие романа, с одной стороны, является природным, с другой – обладает плотным ореолом культурных ассоциаций, которые играют большую роль в разработке системы усадебных оппозиций в романе. Книга и книжное знание как способ миромоделирования подвергаются переосмыслению и даже разрушению и ассоциируются с первым полюсом в структуре взаимосвязанных оппозиций «реальный мир – изображаемый мир», «естественное – искусственное», «жизнь – смерть», «истина – ложь».

Актуализация оппозиции «естественное – искусственное» в связи с усадебным текстом объясняет то, что ядро в системе интертекстуальных взаимодействий романа составляют произведения Л.Н. Толстого. В первых строках романа героиня, княгиня Борятинская, читает *Войну и мир*:

Что за прелесть эта Наташа!

Надежда Александровна погладила книгу маленькой крепкой рукой и зажмурилась от удовольствия. Переплет был кожаный, теплый – все книги в доме Борятинских, включая только что вышедшие, переплетались заново, причем кожу заказывали специально во Флоренции – тонкую, коричневатую, с нежным живым подпалом. [...] Надежда Александровна не пропускала ни одной новинки ни на одном из трех известных ей языков (французский, немецкий, даже русский) – хотя, помилуй, голубушка, уж по-русски-то, кажется, вовсе нет никакого смысла читать!⁴

² Г. Юзефович, *В любую смутную эпоху лучше всего идут классические, утешительные детективы*, [в:] <https://www.buro247.ru/culture/books/10-apr-2020-galina-yuzefovich-interview.html> (28.07.2021).

³ О структуре топоса «книга» см. подробнее: Е. Богдевич, *Топос «книга» литературном процессе XX–XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития*: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / 10.01.08, Минск 2020.

⁴ М. Степнова, *Сад*, Издательство АСТ, Москва 2021, с. 9–10.

Читательское внимание переносится с содержания книги на ее форму, на описание тактильных ощущений от прикосновения к дорожному переплету: уже в первых строках романа авторское предпочтение отдается «реальному», а не «изображаемому» пространству. Кроме того, в противовес толстовскому монологизму, повествование М. Степновой распадается на несколько голосов, оформленных как несобственно-прямая речь (например, суждение о бессмысленности чтения по-русски принадлежит «инстанции сознания» князя Борятинского).

Тем не менее, в начале романа княжна Борятинская стоит на позициях литературоцентризма и, купив имение Анна с обширным садом, начинает «обустройство новой усадьбы именно с библиотеки»⁵. Внутри усадебного пространства сад и дом с библиотекой образуют бинарную оппозицию как «естественный» и «искусственный» локусы. Попадая в зону влияния «естественного» локуса («в этом сочном, через край выпирающем, почти непристойном саду»⁶), княгиня осознает искусственность своего «семейного счастья». Сад в романе является не просто усадебным локусом, а хронотопом со своей отчетливой жанровой направленностью, «временем-местом свершения»⁷. Сцена безмолвного объяснения героев в саду «рифмуется» со схожей сценой из *Семейного счастья* Толстого:

<i>Семейное счастье</i>	<i>Сад</i>
Он хотел сказать мне что-то, но не мог [...]. Однако он улыбнулся, глядя на меня. Я улыбнулась тоже. Все лицо его просияло радостью. Это был <i>уже не</i> старый дядя, <i>ласкающий</i> и поучающий меня, это был равный мне человек, который любил и боялся меня и которого я боялась и любила. Мы ничего не говорили и только глядели друг на друга. Но вдруг он нахмурился, улыбка и блеск в глазах его исчезли, и он <i>холодно</i>, опять отечески обратился ко мне, как будто мы делали что-нибудь дурное и как будто он опомнился и мне советовал опомниться.	Он все еще улыбался глазами, все еще смотрел ласково и весело, как всегда, а виски уже седые, боже мой, и подусники, роскошные, пышные, пахнущие так привычно – грасской вербеной и лондонским табаком, тоже насквозь прохватило <i>морозцем</i>, и у нее самой под <i>фальшивыми</i> буклями – подлинная белизна, подступающий со всех сторон <i>холод</i>, одиночество, одиночество, двадцать пять лет вместе, а смотрит все так же – и все время не так, не так, оказывается, совсем не так. Надежда Александровна надкусила горячую сливу, протянула

⁵ Там же, с. 10.

⁶ Там же, с. 19.

⁷ В. Щукин, *Город и миф*, ЛЕНАНД, Москва 2021, с. 80.

[...] «Зачем он <i>притворяется</i>? зачем хочет мне делать больно?» – с досадой подумала я. И в ту же минуту мне пришло непреодолимое желание еще раз смутить его и испытать на нем мою силу. – Нет, <i>я хочу</i> сама рвать, – сказала я и, схватившись руками за ближайший сук, ногами вскочила на стену. [...] – Какие вы глупости делаете! – проговорил он, снова краснея и под видом досады стараясь скрыть свое смущение, – ведь вы могли ушибиться. И как вы выйдете отсюда?⁸	мужу – лопнувшую, почти библейскую, почти смокву, текущую голодом и медом, из сада маленькой, смуглоногой и тоже выдуманной Суламифи. На, возьми, милый. Попробуй. [...] Надежда Александровна не дала ему закончить, приподнялась на цыпочки и рывком притянула мужа к себе – все еще жующего, все еще не понимающего. [...] Нет, <i>не</i> весело и <i>ласково</i>. Не весело и не ласково. А вот так, вот так, вот так! И еще вот так. Да, <i>я хочу</i>. Я действительно так хочу⁹.
---	---

В обоих случаях хронотоп сада способствует выявлению подлинных чувств, заставляет острее ощутить неуместность притворства. Повествование в романе *Семейное счастье* ведется от первого лица, и сцена в саду в романе Степновой находится в зоне речи Надежды Александровны, содержанием обеих сцен является момент прозрения, нового взгляда на возлюбленного. В романе Степновой усиливаются несвойственные для русского усадебного текста эротические коннотации, связанные с пространством сада, в обеих сценах важную роль играют плоды (вишни, сливы) – символы плодородия, жизненной силы. Местом действия романа является Воронежская губерния, и особенное внимание уделяется плодородию почвы, чернозему как символу витальной силы и энергии.

Сопоставление этих сцен позволяет выявить полемическую интенцию Степновой: описание первого одухотворенного любовного чувства контрастирует с изображением поздней и почти животной страсти, происходит противопоставление духовного и телесного опыта, а также проблематизация возможностей языка (сталкиваются слово как аналитический инструмент и жест как репрезентация телесного опыта).

Е. Подарцев отмечает основные темы и проблемы творчества Толстого, связанные с миром усадьбы:

⁸ Л. Толстой, *Собрание сочинений*: в 22 т., т. 3, Художественная литература, Москва 1979, с. 89-90.

⁹ М. Степнова, *Сад...*, с. 19-20.

Формирование и становление личности, тема родовой памяти и осознание роли и долга дворянина в окружающем мире [...], «мысль семейная» и «мысль народная», изображение отечественной истории¹⁰.

Каждая из этих тем оставляет полемический след в романе Степновой.

Тема детства и проблема воспитания занимает большое место в романе *Сад* и связана с образом Туси (в честь Наташи Ростовой) – позднего ребенка княгини Борятинской. По Толстому, воспитание и образование не должны быть отвлеченными и схоластическими, а должны готовить ребенка к реальной жизни. Отсюда вытекает еще одна функция усадебного пространства в романе – это пространство естественности и свободы от условностей общества.

Однако, несмотря на присутствие этих идей в романе, они подвергаются существенной трансформации. Воспитание маленькой Туси, которым занимается домашний доктор Григорий Иванович Мейзель, построено на принципе свободы. Наиболее очевидно это в «регламентированных», связанных с рядом условностей сценах принятия пищи. На замечание матери о том, что неприлично выходить из-за стола без разрешения, Мейзель отвечает: «Неприлично ограничивать свободу живого существа без всякого смысла – это приводит к рабской косности ума»¹¹.

С другой стороны, обучение Туси противоречит толстовскому принципу естественности. Для того чтобы научить ребенка говорить (Туся родилась немой), Мейзель читает ей на ночь медицинские журналы (как известно, отношение Толстого к медицине и докторам было негативным):

«Сифилитические язвы теперь менее часты или производят меньшие расстройства, нежели в прежнее время, – бормотал он монотонно, – вследствие, может быть, того, что введение в терапию йодистого потасия скорее останавливается ход третичных припадков», – и Туся, поворочавшись, смыкала тяжелые ресницы, так и не дослушав описания фунгозных раковых язв¹².

«Срабатывают» обе методики. Туся начинает смеяться, а потом и говорить после того, как слышит нецензурные ругательства конюха, – таким

¹⁰ Е. Подарцев, *Мир русской усадьбы в творчестве А.Н. Толстого*: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / 10.01.01, Москва 2008, с. 5.

¹¹ М. Степнова, *Сад...*, с. 146.

¹² Там же, с. 121.

образом, «жизненное» в противовес «книжному» становится импульсом для развития ребенка. Так – иронически, гротескно – реализуются толстовские идеи о воспитании. С другой стороны, после обретения девочкой дара речи «Мейзель с изумлением обнаружил, что пятилетняя Туся знает грамоту – и бойко читает с листа про себя самые сложные тексты, правда, переворачивая книгу вверх ногами»¹³.

«Естественные», воплощающие идеальный семейный уклад персонажи Толстого – и Наташа Ростова, и Кити Щербацкая, и даже Левин – имеют определенный успех в «искусственной» светской среде. Очевиден успех Наташи и Кити на балах, и образ Левина во время жизни в Москве представлен глазами жены так:

[...] когда Кити в обществе смотрела на него, как иногда смотрят на любимого человека, стараясь видеть его как будто чужого, чтоб определить себе то впечатление, которое он производит на других, она видела, со страхом даже для своей ревности, что он не только не жалок, но очень привлекателен своею порядочностью, несколько старомодною, застенчивою вежливостью с женщинами, своею сильною фигурой и особенным, как ей казалось, выразительным лицом¹⁴.

Туся, напротив, не имеет успеха в светском Петербурге, и это объясняет ее «свободным» воспитанием, неспособностью к притворству:

Хотя и традиции, и здравый смысл, и даже сама человеческая природа приказывали дебютантке сиять любопытными глазами, взволнованно оглядываться, обмирать, трепеща ресницами, локонами, юным доверчивым сердцем. Туся была не такая. Нет, она уместно молчала, почти всегда улыбалась вовремя, легко вальсировала и была одета и причесана по последней моде и к лицу. Но видно было, что ей скучно¹⁵.

Таким образом, то, что обеспечивало светский успех толстовским героиням, – простота и искренность – объясняет неуспех Туси в свете. И образ взволнованной дебютантки (аллюзия на первый бал Наташи Ростовской)

¹³ Там же, с. 147.

¹⁴ Л. Толстой, *Собрание сочинений...*, т. 9, Художественная литература, Москва 1982, с. 259.

¹⁵ М. Степнова, *Сад...*, с. 320.

в романе утрачивает ореол непосредственности и становится обязательной ролью, лицемерием.

На первый взгляд, страстная привязанность княгини к дочери должна привести к реализации еще одной толстовской идеи – отказу от кормилицы. Однако попытка героини ее реализовать чуть не приводит к гибели девочки: материнское молоко, как и молоко кормилицы, она не принимает. На помощь приходит Мейзель, который предлагает кормить ребенка козьим молоком. Таким образом, происходит опровержение еще одной из «книжных» идей. Сразу после рождения дочери княгиня убеждается в ложности книжного знания, о чем свидетельствует сцена в библиотеке, когда она убеждается в том, что никто из любимых ею прежде авторов (в том числе, женщин) не упоминал о подлинных чувствах, связанных с материнством. Граф Толстой упоминается в ряду авторов как единственный, кто «упомянул замаранные пеленки, но Надежда Александровна точно помнила, что не так. Тоже не так»¹⁶.

Тема родовой памяти. Излишне упоминать о том, какую роль в романах Толстого играет топос родового имени, в котором живут несколько поколений семьи. Жизнь в родовой усадьбе воспитывает чувство долга и привязанности к земле и чувство ответственности перед потомками. В восьмой части *Анны Карениной*, находясь в ситуации серьезного мировоззренческого кризиса, Левин рассуждает:

Так же несомненно, как нужно отдать долг, нужно было держать родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду за все то, что он настроил и насадил¹⁷.

В романе *Сад* тема родовой памяти редуцирована: имение Анна княжна Борятинская покупает для того, чтобы найти место для своей обширной библиотеки, то есть изначально в нем преобладает «искусственное», «книжное», а не «естественное», родовое начало. Тем не менее, при переделке и расширении дома княгиня бережно относится к роскошному старинному саду, признавая его большую ценность. Молодой архитектор (не имеющий университетского образования, самоучка, что соответствует толстовской

¹⁶ Там же, с. 73.

¹⁷ Л. Толстой, *Собрание сочинений...*, т. 9, с. 388.

концепции «естественного» образования) планирует перестройку усадьбы таким образом, чтобы сохранить не только сад, но и старый дом.

В конце романа сад вырубает по приказу Туси, которая мечтает построить в имении конный завод. «Свободное» воспитание, по Толстому, приносит неожиданные плоды: не привязанность к своей земле и поддержание преемственности родовых традиций, а воплощение собственной мечты. Будущее Туси и последующих поколений семьи Борятинских, тем не менее, выглядит хрупким, и причины этого лежат не только за пределами текста (знание читателя об исторических событиях XX века), но и внутри его: в качестве персонажей фигурирует семья Ульяновых с будущим революционером (периферийным персонажем), и судьба молодого архитектора, перестраивавшего дом в Анне, прочитывается в контексте судьбы его поколения:

Самоучка. Выскочка.

Умер в 1918 году. А может, в 1919-м.

Никто не знает – от чего и где.

Тогда многие так умирали¹⁸.

Сюжет романа вписывается в контекст большой истории, и вырубка сада в конце романа образует еще одну интертекстуальную связь – с чеховским *Вишневым садом*. Высказывание Пети Трофимова «Вся Россия – наш сад» сопоставимо с параллелью, которая возникает в романе: сад, с одной стороны, – пространство свободы и реальной жизни (и в этом смысле оно стало местом взросления Туси), с другой – это символ русской литературы (пространство идей). Такое внутренне полемичное осмысление образа согласуется с механизмами, регулирующими диалог с традицией в романе: одна и та же идея получает двойственную оценку.

В толстовских романах с темой родовой памяти тесно связаны «мысль семейная» и конструирование образа идеальной семьи. В романе Степновой «идеальный» и тщательно просчитанный родственниками брак Борятинских разрушается после известия о беременности княгини. Нельзя назвать воплощением авторского идеала и брак между Тусей и Виктором Радовичем, представителем обедневшего старинного дворянского рода. Воспитание Радовича отцом прямо противоположно той модели воспитания, которую применял Мейзель: в основе его лежат ограничение, строгое соблюдение условностей, не соответствующих настоящему положению отца и сына,

¹⁸ М. Степнова, *Сад...*, с. 188.

воспитание родовой памяти: «Мы – Радовичи. Всегда помни, какая в тебе кровь, Виктор. [...] Виктор Радович из династии Властимировичей»¹⁹.

Можно предположить, что результатом такого воспитания станет формирование сословной гордости, однако Виктор вырастает безвольным, попадает под влияние сначала своего друга, потом жены. Таким образом, в романе нет образа идеальной семьи, но есть несколько странных семей, условия жизни в которых могут показаться неестественными, надуманными. Отказ от моделирования авторского идеала может быть прочитан в контексте полемики с Толстым и русской классикой в целом.

«Мысль народная». Семья Ростовых репрезентирует собой одну из близких автору *Войны и мира* моделей семейного уклада, в том числе, благодаря их близости к простому народу. В *Анне Карениной* Левин пишет труд о хозяйстве, в котором доказывается, что «главным орудием сельского хозяйства»²⁰ является рабочий, а особый характер русского народа проявляется в его отношении к земле. В романе Степновой «мысль народная» становится объектом полемики. Если для Толстого народная культура и народный уклад жизни представляются подлинными, относящимися к естественному порядку вещей, то в романе *Сад* «мысль народная» относится к сфере «книжной», а значит, ложной мудрости, является порождением комплекса вины интеллигенции перед народом. На первых страницах романа Надежда Александровна, обращаясь на «вы» к «рябой девке» просит принести малины и, услышав в ответ, что малины нет, выходит из себя:

Девка, ровным счетом ничего не понявшая, ушла – порка, как, впрочем, и ласка не могли произвести на нее никакого впечатления. Ей вообще было все равно – в самом страшном, самом русском смысле этого нехитрого выражения. [...] И на каменное это, безнадежное «все равно» невозможно было повлиять никакими революциями, реформами или нравственными усилиями хороших и честных людей, которые век за веком чувствовали себя виноватыми только потому, что умели мыслить и страдать сразу на нескольких языках да ежедневно дочиста мыли шею и руки²¹.

Подвергается сомнению сформировавшаяся в русской культуре концепция, которая заключается в том, что усадьба – место взаимодействия между

¹⁹ Там же, с. 232-233.

²⁰ А. Толстой, *Собрание сочинений...*, т. 9, с. 266.

²¹ М. Степнова, *Сад...*, с. 14.

дворянами и крестьянами, и сам комплекс вины перед народом оказывается ложным. Посыл не только полемичный по отношению к толстовским идеям, но и упрощающий сложные и противоречивые размышления Толстого о «крестьянском вопросе».

Образ жизни крестьян представлен не как естественный и нравственный, напротив, подчеркивается их невежество, дикость и равнодушие. Эти мысли связаны с образом Мейзеля, который до знакомства с семьей Борятинских служил земским врачом. Его деятельность направлена, прежде всего, на противодействие детской смертности, вызванной антисанитарными условиями жизни:

Матери уходили в поле еще до света, возвращались затемно. Новорожденных оставляли на младших, чудом выживших детей, на полоумных стариков. Или совсем одних. Счастье, если в доме была корова. Если нет... В лучшем случае нажевывали в тряпку хлеба с кислым квасом или брагой, в худшем – давали рожок, самый обычный коровий рог, к которому привязывался отрезанный и тоже коровий сосок. В рожок заливали жидкую кашу. К вечеру, в жару, сосок превращался в кусок тухлого мяса, каша закисала. В такой же кусок тухлого мяса часто превращался и сам младенец, которого сутками держали в замаранных тугих свивальниках, так что Мейзель часами потом вычищал из распухших язв мушиные личинки без малейшей надежды, что это поможет, просто повинувшись совести и долгу²².

Здесь автор вступает в полемику не только с Толстым, но и с идеями народничества 1870-х гг. В романе упомянуты «Письма из деревни» А. Энгельгардта, которые доктор «не выносил». Действует характерный для всего романа механизм столкновения отвлеченных, «кабинетных» идей и «живой» жизни, которое в данном случае заостряется введением тяжелых для восприятия физиологических подробностей.

Это полемическое столкновение определяет отношение ко всем затронутым в романе темам и проблемам, однако в большинстве случаев оно завершается диалектически, подобно действию толстовского метода «диалектики души». С одной стороны, через весь роман проводится мысль о ложности тех идей, установок, традиций, которые формирует у читателя классическая литература, утверждается мысль о первичности чувственного опыта. С другой стороны, полемическое раскрытие в романе «мысли народной»

²² Там же, с. 86.

приводит к формированию оппозиции интеллигенции и народа, и, вопреки традиции, авторские симпатии отдаются представителям интеллигенции и дворянства, а значит и дворянской культуре. Неслучайным в этом контексте следует признать выбор ключевой пространственной локации, в которой происходит действие романа, – дворянской усадьбы. Сад как пространство, находящееся на границе между природой и культурой, репрезентирующее витальное начало и, в то же время, овеянное культурными ассоциациями, представляет собой идеальный хронотоп для разворачивающегося в романе интертекстуального диалога. Таким образом, весь комплекс идей, семантических оппозиций, мифология усадебного текста русской литературы вовлечены в полемику, которая организует идейное пространство романа.

Библиография

- Богдевич Е., *Топос «книга» литературном процессе XX-XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития*: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / 10.01.08, Минск 2020.
- Ешкина Н., *Мысли об образовании, воспитании, обучении в произведениях А.Н. Толстого*, „Гуманитарные ведомости ТГПУ им. А.Н. Толстого” 2021, № 3.
- Подарцев Е., *Мир русской усадьбы в творчестве А. Н. Толстого*: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / 10.01.01, Москва 2008.
- Степнова М., *Сад*, Издательство АСТ, Москва 2021, *Мария Степнова: странные женщины*.
- Толстой А., *Собрание сочинений*: в 22 т., Художественная литература, Москва 1979.
- Щукин В., *Город и миф: Исследования в области геопоэтики*, ЛЕНАНД, Москва 2021.
- Юзефович Г., *В любую смутную эпоху лучшие всего идут классические, утешительные детективы*, [в:] <https://www.buro247.ru/culture/books/10-apr-2020-galina-yuzefovich-interview.html>.
- Юзефович Г., *«Сад» Марины Степновой – изысканный и масштабный роман, отсылающий к Толстому, Тургеневу, Чехову О русских аристократах, живущих в годы правления Александра III*, [в:] <https://meduza.io/feature/2020/08/22/sad-mariny-stepnovoy-izyskannyy-i-masshtabnyy-roman-otsylayuschiy-k-tolstomu-turgenevu-chehovu>.

ABSTRACT

Polemics with the manor text of Leo Tolstoy in the novel by Marina Stepnova *Garden*

The article deals with the polemic with the ideas of Leo Tolstoy in the novel by Marina Stepnova *Garden* in the context of the estate text of Russian literature. This controversy is associated with the crisis of literary centrism, characteristic of the literary process of the late 20th – early 21st centuries and touches upon a complex of key themes and problems for Tolstoy's works: the problem of personality formation, the theme of ancestral memory, "family thought" and "folk thought". On the one hand, through the entire novel, the thought about the falsity of those ideas, attitudes, traditions that are formed in Russian classical literature, about the primacy of sensory experience, is carried out. On the other hand, the polemical disclosure of "folk thought" in the novel leads to the formation of opposition between the nobility and the people, and the author's sympathies are given to representatives of the nobility, and therefore to the noble culture. The choice of a noble estate as a key spatial location in which the novel takes place is not accidental. Thus, the entire semantic complex of the manor text of Russian literature is involved in polemics, which organizes the ideological space of the novel.

Keywords: manor text, intertextuality, literary centrism, classical canon

Ключевые слова: усадебный текст, интертекстуальность, литературоцентризм, классический канон

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademiczne między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

